
УДК: 316.423.2:213:141.155(1-11):001.891

JEL: A12, B40, P50

Виктор Тарасевич

**ДРЕВНЕВОСТОЧНЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ
И ТИПЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ
ЭВОЛЮЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ РЕЗЮМЕ
И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ РЕМАРКИ**

Настоящая статья завершает первый этап исследований универсальной и общественной эволюции, материалы которых были опубликованы в журнале ранее в виде цикла статей. Рассмотрена тринитарность первых цивилизаций Востока, доминантная принадлежность их качественных атрибутов восточному, срединному и западному типам общественной эволюции. На этой основе выделены четыре субтипа восточного типа общественной эволюции: восточный (Древний Египет), восточно-срединный (Древний Китай), срединный (Древняя Индия) и западный (Древняя Месопотамия); срединность представлена как универсалия культуры и контрарное триединство первичных начал: центральности, полноценной промежуточности и соборного средоточия; обозначена целесообразность и элементы содержания триалектики как процесса и результата диалектики диалектики.

Ключевые слова: тринитарность, эволюция, тип, субтип, срединность, восточность, западность, универсалии культуры, центральность, промежуточность, средоточие, соборность, триалектика, человек, личностное, природное, общественное, гены, мемы, ипосы, уны.

Но надо ещё доказать, что человечество, помимо двух своих сторон, определяемых словами – Запад и Восток, обладает ещё третьей стороной.

П.Я. Чаадаев

Первые цивилизации древности принято называть восточными и относить к миру Востока или, в категориях цикла

Тарасевич Виктор Николаевич (viktarsevich@gmail.com) (ORCID ID-0000-0002-6997-0166), д-р экон. наук; Национальная металлургическая академия Украины (Днепр).

© В.Тарасевич, 2019

ISSN 1811-3133. Экономическая теория. 2019. №1: 43–70

43

статей, Восточному типу общественной эволюции. С позиций *бинарного* видения последней с этим трудно спорить. Однако ретроспективный анализ доцивилизационной общественной эволюции (Тарасевич, 2017. С. 439–522) обнаруживает не столь однозначную, более сложную картину. Речь идёт о фундаментальной *тринитарности* общественной эволюции, многообразных взаимосвязях её срединного, восточного и западного типов. Следует признать, что рождение и развитие первых цивилизаций (цивилизационных универсумных образований – цунобров) стало возможным, в том числе, благодаря особому "сплаву", сочетанию указанных типов в универсумных образованиях (унобрах) 3.2.2.2.1 и 3.2.2.2.2 скотоводства и поливного и неполивного земледелия соответственно при безусловном доминировании унобра 3.2.2.2.1. *Срединный тип* предстал не чем-то маргинальным и периферийным по отношению к восточному и западному, а *субстанциональным, общечеловеческим, интеграционным и синергетическим*. Именно эта методологическая мажоранта детерминировала основное содержание ранее опубликованных статей. Однако заданный в них уровень обобщений не позволил представить более многоцветную палитру соотношения срединности, восточности и западности. Отчасти этот пробел восполнен в настоящей статье. Но такое тройственное восприятие общественной эволюции делает возможными размышления о судьбах триалектики как процесса и результата диалектики диалектики. Не претендуя на достаточную полноту, рассмотрим эти взаимосвязанные пункты подробнее.

Духовность и религиозность первых цивилизаций в тринитарном измерении

Решающий вклад в обогащение картины упомянутой тринитарности как сложного триединства срединности, восточности и западности принадлежит *духовной* жизнедеятельности и её результатам. Некоторые фрагменты этой картины являются достаточно адекватным отражением реалий, некоторые – реакцией на отсутствие желаемых таковых, но в большинстве случаев имеет место смешение наличного и должного, позитивного и нормативного, а также переплетение срединных, восточных и западных начал. Так, в *Древнем Египте, с одной стороны, по-восточному жёсткая иерархия власти (и светской, и жреческой)*

нашла своё логичное продолжение в иерархии пантеона богов "под руководством" главного бога Ра, а стремление властной государственной группы (ВГосГр-ы) обуздать социальную и политическую активность низов "материализовалось" в насаждении прото- и собственно институтов почитания предков и ежедневной подготовки к безусловно доминантному в сравнении с жизненным посмертному пути, которая во многом предопределяла повседневное существование низов. С другой стороны, во многом противоречат указанному порядку преимущественно "прозападные": и декларируемая возможность возвращения из царства Осириса (воскрешения), и практика обращения египтянина к личному божку. Рождённая же в Древнем Египте идея *триипостасевой* природы бога является в большей степени *срединно-гетеродоксальной*, нежели по-восточному или по-западному ортодоксальной.

В *Древней Месопотамии* культ счастливой загробной жизни явно уступал стремлению к прижизненному благополучию. Жрецы обещали низам соответствующее их поведению и послушанию божье воздаяние ещё при жизни, тем самым ориентируя их не столько на провосточные интровертные размышления, сколько на прозападные экстравертные действия. Срединная же вертность не акцентируется. Зародыши и элементы западности нетрудно обнаружить и в *зороастризме*. Речь идёт, в частности, о практиках индивидуального культа, а также учении о равноправии двух божеств и двух соответствующих начал – доброго и злого, – их борьбе и свободе человеческого выбора между ними. Следование императивам благой мысли, благого слова и благого дела во многом зависит от самого человека, а не от вмешательства и воли того или иного божества. В то же время в зороастрийском культе чистоты преобладает восточный "дух" первичности пустоты и ничто, а единство трёх упомянутых императивов близкое "духу" срединности. Последняя преобладает и в основополагающем для *Древней Месопотамии* аккадско-шумерско-семитско-аморейском культурном *синтезе*.

В культуре *Древнего Китая* срединность отнюдь не уступает первенство восточности, тем более – западности. Уже в одном из устойчивых самоназваний Китая – "Чжунго" – "Срединное государство" – сконцентрированы весьма симптоматичные смыслы срединности, коррелирующие со значениями слова

"чжун" – "центр", "середина", "равновесие". Хотя китайцы считали (и считают) свою цивилизацию и страну центральной, а другие страны – окраинами, окрестностями, их трудно упрекнуть в абсолютизации китаецентризма. В эпохи децентрализации слово-слог "Чжунго" интерпретировался как "срединные государства", "государства центра", что отвечает содержанию не этноцентризма, а *полиэтноцентризма*. Китай самоидентифицируется как своего рода "центр тяжести", вокруг которого должны быть уравновешены все окраины (Попков, 2010. С. 150). Такая самоидентификация не исключает известную относительность срединности: каждый окраинный народ может располагаться посередине между восточными и западными соседями. В этом смысле срединность во многом инвариантна по отношению к территориальной локализации и увязывается, прежде всего, с характером жизнедеятельности, способом решения жизненных проблем (Попков, 2010. С. 149–151).

Указанные характер и способы во многом детерминируются конфуцианской этикой, в которую весьма органично ассимилированы и восточные максимы даосизма и моизма, и элементы западности легизма. Так, для конфуцианского благородного мужа недеяние есть высшее проявление действия, а сам он не имеет особых внешних форм, суть господин "Никто", в полной мере отвечающий Пустоте как основанию китайской культуры. Благородный муж всецело подчинён долгу точно так же, как любой человек – коллективу и государству. Небо определяет его положение во всеобщем порядке, и ему ничего не остаётся, как только подчиниться воле Неба. Но парадоксальным образом в этой крайней восточности заметны "зерна" кальвинистской западности: путь человека предопределён свыше, а потому рядом с избранными существуют посредственности, земная жизнь не менее важна загробной, и её обустройство требует прагматичности и трудолюбия.

И всё же в конфуцианстве градус западности принципиальным образом уступает градусу восточности, а последняя не является доминирующей по отношению к срединности. Прежде всего в трудах учеников и последователей Конфуция опосредованно подтверждаются *инстинктивные* истоки срединности. Например, именно это имеет в виду Ле-цзы, когда обращает внимание на поведение птиц и зверей, в том числе приматов, которые держат своих детёнышей в середине стаи или стада как

самом безопасном месте. С учётом рассмотренных нами ранее взаимосвязей инстинктов и протоинститутов, а также положения об институте как противоречивом триединстве инстинктивной, протоинституциональной и собственно институциональной составляющих, не трудно сделать вывод о детерминации инстинктом срединности рождения и эволюции соответствующих общественно *срединных прото- и собственно институтов*.

Поэтому не случайно в китайской традиции именно человек является воплощением срединности: "Позиция Небес – это верх. Позиция Земли – это низ. Позиция человека – это середина". "Привольно странствовать сердцем, пользуясь вещами, как колесницей, и возвращать в себе Срединное, доверяясь неизбежному, – вот предел нашего совершенства" (Попков, 2010. С. 155). У Конфуция и в конфуцианстве середина является золотой, а принцип "*золотой середины*", корреспондирующий с "золотым правилом нравственности" ("не делай людям того, чего не желаешь себе"), представляет собой "наивысший принцип" (Конфуций, 2017). Достижение срединного совершенства и следование ему по плечу только благородным мужам. Именно благородный муж является обладателем и борцом за подлинно срединные качества и институты: сдержанность, уравновешенность, умеренность, беспристрастность, основательность, законопослушность, пытливость, ясность, чёткость, приветливость, почтительность, скромность, осторожность, справедливость, гармония воспитанности и естественности (Конфуций, 2017). Не приходится сомневаться, что таким образом понимаемая срединность далека от абсолютизации и прозападной индивидуалистической эгоистичности, и провосточной деиндивидуализации.

Подобно зороастризму и конфуцианству, *буддизм* не свободен от элементов западности. Таковыми являются, например, установка на индивидуальный праведный путь к спасению, хотя и строго в рамках незыблемой кармы, и положение о государстве как результате общественного договора между людьми с целью противостояния углубляющейся деградации. Однако мажоранта буддизма – сочетание и взаимодействие срединных и восточных начал. Как известно, наиболее древнее и общее название буддизма – "мадхьяна – претипат" означает "срединный путь". Только этот путь безопасен, и, идя по нему, Будда советовал избегать по определению опасных крайностей, в том

числе: роскоши, чувственных излишеств и аскетизма, абсолютизации обрядовости и мирского поведения, отрицания и утверждения по любому вопросу. Но, в зависимости от обстоятельств, и сама срединность может быть (стать) крайностью, например, в случае необходимости создать противовес противоположной крайности. Как видим, срединность в буддизме ещё более относительна, чем в конфуцианстве. И более *динамична*. На срединном пути нельзя стоять, ибо он – само движение, миграция из стороны в сторону в зависимости от расстановки сил и в поисках динамического равновесия. Срединный путь *восьмеричен*, поскольку предполагает чёткое следование императивам восьми ступеней – правильные: взгляды, решимость, речь, поведение, способ жизни, усилие, внимание, сосредоточение (Попков, 2010. С. 153–154). Только двигаясь по срединному пути в соответствии с этими императивами, можно избежать главной опасности – привязанности к индивидуальному "я", субъективным влечениям и желаниям – и достичь нирваны, растворения в абсолютном покое.

В сравнении с конфуцианством и буддизмом срединность *индуизма* менее системна и последовательна. Это и понятно: индуизм представляет собой весьма своеобразный конгломерат разнородных элементов ведизма, брахманизма, буддизма, джайнизма и других верований, а связи элементов весьма многообразны – симбиотические, сукцессионные, коммуникативные, синтетические, конкурентные и даже гетерофобические. Разумеется, закрепление во главе пантеона индуистских богов Тримурти – Брахмы, Вишну и Шивы – достаточно органично и выполняет объединяющую роль. Брахма как творческое абстрактное первоначало призван уравнивать, гармонизировать взаимодействие светлого и тёмного начал, которые олицетворяют соответственно Вишну и Шиву. Кстати, если Вишну и Шива заняли ведущие позиции в пантеоне, так сказать, естественным образом, в результате протоинституциональной эволюции, то фигура Брахмы в большей степени собственно институциональна, ибо именно с целью сопряжения, объединения двух ветвей индуизма в середине I тысячелетия до н.э. Брахма был "возведён на пьедестал". Однако связи между богами нижней части пантеона по преимуществу гетерархичны. Подобным образом в отсутствие церковной организации "горизонтальные"

гетерархические и синархические связи между индуистскими жрецами доминируют над "вертикальными" иерархическими.

Итак, даже краткая ретроспектива тринитарности духовности и религиозности первых цивилизаций не только подтверждает ранее рассмотренные качества срединности, но и маркирует новые качества, в том числе: гетеродоксальность, вертикальность, синтетичность, центральность и полицентризм, устойчивость, умеренность, гармоничность. На этой основе восточное и западное начала могут быть охарактеризованы не сами из себя, а относительно срединности, как её особое другое, её первое отрицание самой себя с последующим синтезом. Впрочем, это тема специальных исследований. Здесь же сосредоточим внимание на элементах срединности, восточности и западности в экономической, социальной, политической и институциональной сферах первых цунобров.

**Об экономико-политической, социальной
и институциональной тринитарности
первых цивилизаций**

С учётом ранее обоснованных положений о природно-технологическом балансе и доминировании в доиндустриальную эпоху природных процессов в их взаимодействии с рукотворными, искусственными, вполне очевидной является заданность срединности, восточности и западности деятельностных и технологических паттернов соответствующими природными стандартами. Так, *провосточные* технологические паттерны и значимая коллективно-индивидуальная кооперация поливного земледелия, коллективной (групповой) охоты и скотоводства (Египет, в меньшей степени – Месопотамия и Китай) во многом детерминированы природным ритмом разлива рек, особенностями преимущественно закрытых ландшафтов, флоры и фауны; а *прозападные* технологические паттерны и развитая коллективно-индивидуальная кооперация неполивного земледелия, индивидуальной охоты и семейной доместикации (Месопотамия, Индия) – природными стандартами лесостепи и джунглей, большей "ландшафтной" открытостью внешним влияниям. В этих координатах тринитарности относительно более индивидуализированный характер городских ремесла и торговли отвечает, скорее всего, *срединному*, а не западному или восточному началу.

Особенности духовно-очеловечивающей и опредмечивающей деятельности по принципу взаимной детерминации корреспондируют со спецификой процессов *экзосвоения*. Хотя для всех первых цивилизаций характерны фрактальность и цикличность эволюции *власти-собственности*, её "пространственные" и структурные черты заметно различаются. В Египте и Китае высшие "этажи" властно-собственнического "здания" всегда были более влиятельными и значимыми, чем в Месопотамии и Индии. В периоды централизации, например, в Древнем царстве или в империи Цинь, в полном соответствии с логикой *восточной* деспотии, иерархия фракталов-элементов власти-собственности становилась практически абсолютной¹, а в периоды децентрализации властно-собственнический моноцентризм уступал ведущие позиции такому же полицентризму, сходному с известной феодальной раздробленностью в средневековой Западной Европе и Киевской Руси.

Именно властно-собственнический полицентризм характерен для Древней Индии: устойчивость и жизнеспособность властно-собственнических отношений в общине и касте практически всегда превышали таковые на государственном уровне. Пожалуй, только в относительно краткий период империи Маурьев ВГосГр-е удалось обеспечить по-восточному жёсткую иерархию властно-собственнических "фракталов" – региональных, местных и общинно-кастовых. Промежуточно-срединный вариант властно-собственнической организации доминировал в Древней Месопотамии: относительно быстрая смена ВГосГр-п не позволяла, с одной стороны, добиться сравнимой с египетской жёсткости деспотической иерархии, а с другой – разрушить властно-собственнические отношения на местном и общинном уровнях.

Для ВГосГр-пп Египта и Месопотамии характерен относительный паритет *светской* и *жреческой* ветвей. В его основе – примерно равная мощь их совокупных ресурсов: дворцово-хозяйственных, военных и собственно институциональных – светской ветви, и храмово-хозяйственных и религиозно-протоинституциональных – жреческой ветви. Правда, в Месопотамии

---

¹ Яркими примерами такой "абсолютности" могут служить поглощение государственным хозяйством общинного, формирование рабочих отрядов из общинников в Древнем царстве и превращение практически всей родовой знати в государственных чиновников в эпоху Цинь.

тамии жреческая ветвь менее зависима от светской, чем в Египте. С одной стороны, фараон как сын бога или сам бог нередко подчинял себе жреческую ветвь, а с другой – в особых случаях верховный жрец становился фараоном, а практика объединения должностей номарха и жреца номового храма никогда не была чем-то из ряда вон выходящей. В Индии весомому влиянию жреческой ветви на светскую не способствовала и относительная слабость последней, и сравнительно частая смена государственной религии, и упомянутая ранее "конгломеративность" индуизма. В Китае ВГосГр-а тотальна в том смысле, что "свободна" от жреческой ветви. Но место последней небезуспешно занимает всепроникающая государственная идеология, так что "высколенная" в её духе светская власть по уровню своеобразной "религиозности" вряд ли уступала таковой в других цивилизациях. Итак, светско-религиозное строение ВГосГр-пп в Египте и Китае является преимущественно провосточным, в Месопотамии – прозападным, а в Индии – промежуточно-срединным.

Признаки тринитарности присущи и *соотношению субформ* власти-собственности². В условиях относительно большей открытости государств Месопотамии внешним влияниям и торговле в таком соотношении приоритетные по активности позиции с рубежа эр заняли прозападные частная и личная субформы. В Египте и Индии, напротив, превалировали провосточная корпоративная и персональная субформы. В Китае безусловные приоритеты корпоративности и персональности сочетались с прагматичной влиятельностью частной и личной субформ.

Во всех первых цивилизациях власть-собственность занимает ключевые позиции в системе видов и форм экзосвоения. Каждая из последних, будь то государственная, коллективная, групповая, обособленная, личная или частная, является ведомой и, в известном смысле, производной от власти-собственности, ибо в конечном итоге именно главные акторы власти-собственности определяют их (форм) судьбу. Образно выражаясь, власть-собственность выступает "планетой", в системе которой находятся и определённым образом движутся аффилированные "спутники и астероиды" – разные формы эк-

---

² Имеются ввиду клановая, корпоративная, персональная, личная и частная субформы.

зосвоения. Следовательно, их качественные характеристики весьма зависимы от качественных характеристик "планеты". Иными словами, обозначенная выше специфика властно-собственнических отношений каждой из цивилизаций определяет особенности содержания и степень значимости наличных в ней форм экзосвоения, а также редистрибуции и обмена. Очевидно, в Месопотамии и особенно в Индии частная собственность городских ремесленников и мелких торговцев, а также семейная обособленная собственность в общине, в меньшей степени зависимы от ВГосГр-ы как верхушки властно-собственнической иерархии, чем в Египте и Китае. Однако в Индии указанные формы экзосвоения весьма зависимы от группового кастового экзосвоения, а в Месопотамии – от коллективного. Соответственно медианной степени жёсткости власти-собственности³ редистрибуция более развита и иерархична в Египте и Китае, чем в Месопотамии и Индии, а торговля – менее интенсивна. Индивидуализация последней более "продвинута" в Месопотамии и Китае, чем в Индии и Египте. В Индии торговыми акторами зачастую выступают касты, а в Египте – общины.

Строение и структура экзосвоения "повторяет себя" в *социальной* сфере. Практически одинаковый состав социальных слоёв и групп в разных цивилизациях (общинники, чиновники, родовая знать, жрецы, арендаторы, крепостные, наёмные работники, рабы и др.) является хорошим общим "знаменателем" для адекватного понимания неизбежных отличий. Общинники составляли большинство населения всех цивилизаций, а вот удельный вес других слоёв различился. Так, арендаторов, крепостных и наёмных работников было относительно больше в Месопотамии, чиновников – в Египте и Китае, рабов и приравненных к ним "в правах" шудр – в Индии, статус "государевых людей" был весьма распространённым в Египте и Китае. По-восточному жёсткая регламентация и практическое отсутствие социальной мобильности характерно для кастово-варновой Индии, сочетание жёсткой регламентации и "подконтрольной" вертикальной мобильности – для Египта и Китая, в Месопотамии законодательная регламентация не

---

³ Речь идёт о "средневзвешенном" тренде циклично-поступательной эволюции власти-собственности.

блокировала многие каналы горизонтальной мобильности. В силу указанных особенностей, а также характера массовой религиозности, градус социальной активности и массовости народных движений значительно выше в Месопотамии и Китае, чем в Египте и Индии.

Социальная мобильность и активность корреспондирует с *институциональной*. Так, законопослушный житель Месопотамии безусловно чтит традиции, но и стремится к исполнению достаточно часто меняющихся законов. В Египте и Индии протоинституты более устойчивы и организационно сильны, а чрезмерный динамизм собственно институтов чреват различными формами гетерофобии. Кастово-варновый строй фундаментально протоинституционален, и успешность законодательных и правовых новаций пропорциональна степени соответствия собственно институтов указанной фундаментальности. В Китае склонны "взвешивать" институты на "весах" прагматизма. На века закрепляются те протоинституты, которые доказали свою эффективность при решении жизненных проблем. Соответственно, и собственно институты призваны заполнять протоинституциональные "лакуны" с тем, чтобы эффективно отвечать на вызовы, которые были неизвестны предкам.

Разумеется, представленная в данном параграфе ретроспектива имманентности первым цивилизациям качеств срединности, восточности и западности является далеко не полной и всего лишь пропедевтической, предваряющей дальнейшие углублённые исследования. Тем не менее она позволяет сделать некоторые достаточно репрезентативные выводы. Не только географически, но и содержательно первые цивилизации являются безусловно *восточными* или восточным ответвлением эволюционной срединности, составляющими Восточного типа общественной эволюции. Это означает, что в них абсолютно доминируют именно восточные качества, хотя они (цивилизации) "не свободны" от срединных и западных качеств. Каково их соотношение? В итоговой таблице представлена не абсолютная, а *относительная, сравнительная* значимость этих качеств. Например, относящаяся к религии и идеологии Египта аббревиатура ВСЗ означает, что в сравнении с другими цивилизациями религия и идеология в Египте является более восточной, менее срединной и незначительно западной. Как видим, такой же порядок расположения указанных

качеств присущ всем представленным в таблице цивилизационным характеристикам *Египта*. В *Месопотамии* относительно более значимы западные качества цивилизационных характеристик, менее значимы срединные и восточные. В *Индии* в цивилизационных характеристиках 4, 6, 7, 8 и 9 доминируют восточные качества, во 2, 3 и 5 – западные, а в первой – срединные. В *Китае* срединные качества приоритетны в характеристиках 1, 6 и 8, а во всех других характеристиках мажорирует восточный "колорит".

Таблица

**Цивилизационные характеристики
и типы общественной эволюции**

№ п/п	Цивилизационные характеристики	Наименование цивилизаций			
		Египет	Месопотамия	Индия	Китай
1	Религия, идеология	BC3	ЗСВ	СВЗ	СВЗ
2	Технологические паттерны	BC3	ЗСВ	ЗСВ	BC3
3	Государственная властно-собственническая организация	BC3	ЗСВ	ЗСВ	BC3
4	Соотношение субформ власти-собственности	BC3	ЗСВ	BC3	ВЗС
5	Система форм экзосвоения	BC3	ЗСВ	ЗВС	BC3
6	Редистрибуция и торговля	BC3	ЗВС	BC3	СВЗ
7	Социальная структура	BC3	ЗСВ	BC3	BC3
8	Социальная мобильность	BC3	ЗСВ	BC3	СВЗ
9	Институциональная структура и мобильность	BC3	ЗСВ	BC3	ВЗС
	Субтип эволюции	BC3BT	ЗС3BT	СС3BT	BC3С3BT

Примечание. В, С, З – соответственно восточные, срединные и западные элементы (качества) цивилизационных характеристик; BC3, ЗС3, СС3, BC3С3 – соответственно восточный субтип, западный субтип, срединный субтип и восточно-срединный субтип восточного типа (BT).

Источник: составлено автором.

Таким образом, в рамках Восточного типа общественной эволюции вполне уместно выделить четыре особых *субтипа*: Египет представляет Восточный, Китай – Восточно-срединный, Индия – Срединный, а Месопотамия – Западный субтип. Конечно, реальная картина намного сложнее. Но можно ли требовать от логико-исторической реконструкции точности, сравнимой с точностью отражения современных исследователю реалий?

Методологические ремарки

Поскольку те или иные атрибуты срединности, восточности и западности в том или ином соотношении имманентны практически всем исследованным ранее доцивилизационным и цивилизационным унобрам, их экологической, экономической, социальной, духовной и политической сферам, эволюции и уноинституциональным сетям, постольку вполне обоснованным представляется их (срединности, восточности и западности) отнесение к классу *универсалий культуры*⁴, культуры как противоречивого единства накопленных, актуализированных и потенциальных сущностных человеческих сил (СЧС). Столь высокий философско-научный статус срединности, восточности и западности, с одной стороны, предполагает их позиционирование в ряду других УК, в том числе характеристику первых посредством последних, а с другой стороны, позволяет выдвигать соответствующие философско-научные гипотезы. Присмотримся к этим пунктам внимательней.

Не секрет, что в силу господствующего преимущественно бинарного, дуалистического видения реалий, в том числе цивилизационных и экономических, в соответствующей литературе практически монополизирована тематика Запада и Востока, цивилизационных преимуществ первого в сравнении с последним. Поэтому их качественные характеристики находятся в перманентном научном "обороте" и хорошо известны. Напротив, про-

---

⁴ По В. Стёпину, универсалии культуры (УК) – это категории, которые выражают исторически накопленный социальный опыт, и в системе которых человек определённой культуры оценивает, осмысливает и переживает мир и экономику, сводит в целостность все явления действительности, попадающие в сферу его деятельности и опыта (Стёпин, 2011. С. 122).

блематика срединности⁵ незаслуженно занимает чуть ли не маргинальное положение в научном "доме", а характеристика её качественных особенностей и атрибутов сравнительно бедна и фрагментарна. В связи с этим мы вынуждены использовать сравнительно небольшое количество источников и прежде всего уже упоминавшуюся коллективную монографию (Попков, 2010), в которой представлены и обобщены многочисленные взгляды на срединность, её фундаментальные и прикладные качественные характеристики, а также результаты собственных исследований (Тарасевич, 2017. С. 421–723).

Прежде всего всё более очевиден существенный разрыв между онтологической, аксиологической, праксиологической реальностью срединности и уровнем её гносеологической разработки. Ясно, что преодоление этого разрыва потребует значительных научных усилий. Здесь мы ограничимся кратким рассмотрением тех характеристик срединности, которые заданы её универсально-культурным статусом и её взаимодействием с соответствующими универсалиями культуры обоих блоков, прежде всего первого, и первого смыслового слоя⁶. Сразу ого-

⁵ Здесь концепты "середина", "серединка" и "срединность" рассматриваются как синонимы, хотя, строго говоря, срединность суть всеистовование середины (средины). Это верно и для востока и восточности, запада и западности.

⁶ *Первый блок образуют универсальные категории, фиксирующие наиболее общие, атрибутивные характеристики объектов, включаемых в человеческую деятельность. Они выступают в качестве базисных структур человеческого сознания и носят универсальный характер, поскольку любые природные и социальные объекты, в том числе знаковые объекты мышления, могут стать предметами деятельности. Их атрибутивные характеристики фиксируются в категориях "пространство", "время", "движение", "вещь", "свойство", "отношение", "количество", "качество", "мера", "форма", "содержание", "причина", "случайность", "необходимость" и т.д. Второй блок включает особые категории, посредством которых выражены определения человека как субъекта деятельности, структуры его общения, его отношения к другим людям и обществу в целом, к целям и ценностям социальной жизни ("человек", "общество", "личность", "сознание", "добро", "зло", "красота", "вера", "надежда", "труд", "совесть", "справедливость", "свобода" и т.п.), а также исторически накапливаемый опыт включения индивидуума в систему социальных отношений и коммуникаций. Первый смысловой слой УК – это всеобщее, то, что отличает человека от животного мира, что выступает своеобразным инвариантом различных культур и образует глубинные структуры человеческого сознания. Например, такой всеобщий смысл присущ человеческой*

воримся, что обозначенные ниже характеристики и атрибуты срединности в той или иной степени присущи восточности и западности, однако именно для первой они являются не привнесёнными и ведомыми, а "родными", почвенными, сущностно доминантными и системообразующими.

Трудно представить себе что-либо, лишённое середины, будь то пространство или время, движение или покой, качество или количество и т.д. В *пространственном* отношении универсальны и восточность, и западность⁷, однако изначально именно срединности имманентны *рубежность, пограничность, промежуточность*. Срединность неизбежно граничит с восточностью и западностью, расположена между ними, находясь в постоянном поиске и определении своих рубежей. В силу этого она обладает повышенной *контактностью* и принципиально *открыта* для восточных и западных влияний, что отнюдь не облегчает идентификацию её исконности и особости, фундаментальных отличий от восточности и западности. В *темпоральном* измерении наиболее очевидна *межвременность* срединности, её промежуточное положение между прошлым и будущим. Середина пребывает прежде всего в *настоящем*, но эта настоящесть значительно богаче. Она предстаёт как *немнимость* и в этом качестве сообщается её атрибутам. Правда, не так-то просто обнаружить сию *настоящесть* в сонме оптических, интеллектуальных и других аббераций, иллюзий и ошибок. В самом общем виде её субстанция и движение детерминированы неклассическим трёхсторонним противоречием *базисных, первичных начал – собственно своего, своего иного и иного своего*. Важно понять их конкретное наполнение, механизм и результаты вовнутрь ориентированного взаимодействия, что вряд ли возможно без оценки её окружения.

Внешний мир подвижной срединности значительно очевиднее, поскольку представлен известными видами, формами и результатами её взаимосвязей с восточностью и западностью. Сама эта подвижность во многом проистекает из указанных взаимосвязей, изменчивой сравнительной мощи и активности срединности, восточности и западности. Срединность *непо-*

деятельности – как целенаправленному и осознанному преобразованию человеком себя и мира. (Стёпин, 2011. С. 122, 123).

⁷ Проблематика взаимодействия срединного, северного и южного универсумных начал здесь не рассматривается.

средственна, ибо взаимодействует с восточностью и западностью, главным образом, без посредников, но *не* посредственна, а развита и инновационна, поскольку именно в её *среде*, "теле и духе" встречаются восточность и западность. В известном смысле она регулирует глубину и масштабы такой встречи – по воле срединности последняя может и не состояться. Опосредуемое срединностью взаимодействие восточности и западности значительно богаче и органичнее взаимодействия непосредственного, что называется "лоб в лоб". *Опосредование*, качественно выполняемая роль *посредника* обогащает и срединность – будучи соединительной и передаточной средой для восточности и западности, *местом их встречи*, она обретает новые возможности для собственного прогресса, перехода из примитивного механического состояния к высотам органичности и гармонии.

По всей вероятности, процессы и этапы гармонизации, "взросления" *контрарного единства* первичных начал срединности и её внешних связей взаимоположны и коррелятивны. Произвольное и механическое *смещение* элементов восточности и западности, их механическая аморфность, полиморфность и мультиэлементный микс в большей степени отвечают "детству" срединности, незрелости её первичных начал и их взаимосвязей. *Сочетание* упомянутых элементов более предпочтительно, поскольку при определённых условиях сопровождается формированием из механической смеси простой механической системы. Одно из её характерных состояний – *симбиотичность, гибридность, гетеродоксальность* упомянутых разнокачественных элементов. Очевидно, адекватная ей срединность не способна *избежать крайностей*, она их накапливает, поскольку они не преобразуются, а механически соединяются. Даже при незначительном внешнем воздействии слабость её внутренних и обратных связей может обернуться сепарированием и распадом, деградацией коэволюции её элементов в состояние взаимной гетерофобии.

Свидетельством "взросления" и зрелости срединности является происходящее в её "теле и духе" и с её участием примирение восточности и западности, *объединительный синтез, сплавление* (аутбридинг) элементов срединности, восточности и западности и образование принципиально нового качества, вполне адекватного внутреннему естеству, природе

срединности, умножающего её иное своё, которое гармонично *интегрируется* в её *автопоэзис*. Именно такая развивающаяся на собственных основаниях срединность *эпигенетична*, гармонична, вертна и соразмерна развитым восточности и западности. Она воплощает то *общее*, которое присуще последним, и которое делает их *совместимыми*, способными к устойчивому динамичному равновесию, коэволюционному интеграционизму, контрастному единству в различиях. Но срединность не растворяется в восточности и западности и не является исключительно плодом их взаимодействия. Она способна не только инкорпорировать, ассимилировать адекватные её природе их элементы, но и отторгать неадекватные, "чужие". Разумеется, такими особыми способностями в совершенстве владеет только зрелая, совершенная срединность, которая достигла состояния *самостоянья*, развития *контрастного триединства её начал*, прежде всего, на собственных основаниях. Она вполне осознаёт их возможную универсальность и неизбежную качественную *особость*.

Собственно своим началом зрелой срединности является *центр* (центральность), *ядро*, *сердце* (сердечность) уобра и его эволюции. Этому центру имманентна не просто равноудалённость от краёв, неслиянность с ними и нетождественность им. Здесь центр – *главная, основная, внутренняя часть* уобра, его *ядро, фундамент* его здания, *точка* кристаллизации многих элементов, *фокус* вхождения и исхождения энергий, положительных и отрицательных обратных связей. Центр – суть *сердце*⁸. Сам по себе центр – рационален, а сердце – чувственно-эмоционально. Оно олицетворяет высоту и мудрость эмоций и чувств, сострадание, добро, любовь, красоту, веру, радость, величие – словом, все те качества, которые чужды рафинированному *hoto oesopoticus*-у, ибо личностны и человечны.

Срединность как центр не статична и толерантна к *своему иному – промежуточности*. Если бы она не была самой собой, то не была бы и промежуточком между теми элементами, началами, атрибутами, феноменами и т.п., которые нуждаются в ней как в центре, субстанции, основании, полноценном и сердечном посреднике в их взаимосвязях. Разумеется, они вправе избрать

---

⁸ Если центр характеризует собственно своё срединности в категориях первого блока УК, то сердце – в категориях второго блока.

себе в посредники нечто пустое и не самоценное, не сформировавшееся и аморфное. Но в таком случае смогут ли они совместными усилиями придать ему потребные им качества? Всегда ли пропасть заполнима? И сможет ли она обогатить пытающиеся заполнить её крайности, находящиеся по обе стороны от неё?

Пропасть, *лустая* промежуточность опасна и отталкивает, ибо заботится лишь о собственном бесконечном примитивном заполнении, срединность же как центр, цельный и полноценный промежуток, олицетворяющий медианность, а не инверсионность, способна воспринять *иное как своё*, ибо иное своё – родное ей начало. Срединность призвана не только излучать вовне собственно своё и своё иное, обогащая края своего центра как промежутка между ними, но и вбирать в себя, интегрировать их (краёв) адекватные элементы, быть *средоточием* не только своего и своего иного, но и иного своего, притягательной и притягивающей, сосредоточенной и сосредоточивающей, объединённой и объединяющей. Это вполне возможно, если средоточие соборно. *Соборность средоточия* срединности предполагает признание самоценности и равноценности всего сосредотачиваемого – внешнего, внутреннего, пограничного – обеспечение согласия разногласного (Филолай), единства во множестве и множества в единстве.

Итак, собственно своё срединности заключено в центре, ядре и сердце, своё иное – в полноценной промежуточности, а иное своё – в средоточии и соборности. Следует признать, что, хотя отнюдь не все из рассмотренных начал и атрибутов срединности протестированы на материалах нашего предыдущего исследования, они могут служить надёжными ориентирами дальнейших поисков, ибо вполне доказали свою состоятельность во многих областях научного и ненаучного знания. Разумеется, их (начал и атрибутов) перечень нельзя считать исчерпывающим, поскольку масштабные исследования срединности, сравнимые с таковыми восточности и западности, ещё впереди, а потому и содержание имманентного срединности неклассического трёхстороннего противоречия её начал ещё предстоит осмыслить⁹.

⁹ В частности, речь идёт об изучении *центра* как промежутка средоточий и средоточия промежутков, *промежутка* как средоточия центров и

Реальность тринитарности доцивилизационных унобров, а также древневосточных цивилизаций и их эволюции позволяет изложить некоторые соображения в отношении истоков и судеб *триалектики*. Разумеется, философско-научное величие и неисчерпанный методологический и познавательный потенциал диалектики несомненны. Однако, руководствуясь её творческим и революционным духом, уместно задуматься над *диалектикой самой диалектики*.

В работах ведущих историков философии и философов науки убедительно доказано существенное влияние христианства и герметизма на становление западноевропейской философии и науки Нового времени. Так, *с одной стороны*, христианские догматы о *боготворении* и *боговоплощении* способствовали преодолению характерного для античной науки разделения всего сущего на естественное и искусственное, а также жёсткой грани между небесным и земным мирами, тем самым наделяя человека как образа Божьего статусом *творца*. *С другой стороны*, магико-окультиные течения эпохи Ренессанса с их убеждённой в существовании магических средств очищения от первородного греха изменили общемировоззренческую установку сознания: очистившийся от греховной скверны человек становится вторым Богом, способным исполнить завет, данный ему Богом до изгнания из рая, не только до конца *познавать* природу, но и магически воздействовать на неё, *преобразовывать* её в соответствии со своими интересами и целями (Гайдено, 2009. С. 87, 90–91). Совершенно очевидно, что без этих максимум диалектика, родившаяся ещё в Древней Греции и прошедшая сложный многовековой путь "детства", "отрочества" и "юности", не смогла бы стать развитым и зрелым продуктом творческой человеческой мысли и гения Гегеля. Но западноевропейская диалектика Нового времени не могла не воспринять и другие религиозные максимы, прежде всего, *католические*.

В частности, речь идёт о так называемом *филиокве* (filioque) – "и от Сына", римско-католической прибавке к Никео-Цареградскому Символу Веры (381 г.), который вплоть до XI века был неизменным и общим вероучительным определением

центра средоточий, *средоточия* как центра промежутков и промежутка центров.

для всей христианской Церкви. Там, где Символ Веры говорит: "Верую в Духа Святаго иже от Отца исходящего", римская традиция добавляет: "от Отца и Сына исходящего" (Кураев, 2010. С. 2). С позиций православного богословия филиокве разрушает, делит Троицу на две группы: полностью Единых Отца и Сына и противостоящего им Духа, который не обладает всеми теми свойствами природы, что находятся в распоряжении Первых Лиц. То есть Троица есть Божественная Двоица плюс один полубог. Дух признан ипостасью второго порядка (Карсавин, 1993. С. 186). Следовательно, догмат филиокве фактически превращает триипостасного Бога в двуипостасного, а *тринитарность* – в *бинарность*. В лучшем случае тринитарность становится формой, бинарность же обретает реальную содержательность¹⁰. Такая трансформация отразилась на содержании католического учения, томистской традиции и известным образом повлияла на западноевропейскую философию и науку, в том числе на агностицизм И. Канта и диалектику Г. Гегеля.

Следует признать, что в ряде пунктов гегельянство выходит за пределы бинарности в пространство тринитарности (например, "тезис-антитезис-синтез", "отрицание отрицания", диалектика общего, особого и единичного и др.), однако не делает последнюю непосредственным объектом и предметом философствования. Иными словами, гегелевская диалектика "беременна" *триалектикой*. Но возможна ли триалектика?

Возможность и необходимость триалектики имеет вполне определённые предпосылки, основания и истоки. *Онтологически* природа, общество и экономика демонстрируют не только двойственность, но и тройственность своих качественных характеристик: восток – центр – запад, север – центр – юг, восточный – срединный – западный типы эволюции, прошлое – настоящее – будущее, небо – человек – земля, бедные – сред-

---

¹⁰ В ряду причин утверждения филиокве в католичестве нельзя исключать и конкретно-исторические. Если в восточно-христианской Византии светская и религиозная власть была сосредоточена в руках императора, то в западно-христианском мире эти власти были разделены и активно оспаривали первенство друг у друга. Поэтому восточному христианству был ближе первичный Символ Веры, утверждавший "единоначалие" Бога Отца, а лишённая силы оружия папская власть прибегла к изменению религиозной догматики для доказательства по крайней мере своей равноценности власти светской.

ний класс – богатые, спрос – равновесие со стоимостью как основанием – предложение, возрастающая – максимальная – убывающая отдача фактора производства и т.д.¹¹. Гносеологические начала триалектики содержатся не только в диалектике, но и в конфуцианстве, религиозных учениях буддизма, ислама, христианства, в русской религиозной философии. Верная нововременной западноевропейской дуальности, современная наука всё ещё недостаточно внимательна к проблематике тройственного восприятия универсума, а отдельные примеры такового лишь подтверждают его доминирующую неосознанность и дефицитность. Правда, весьма перспективны попытки постнеклассики исследовать сверхсложные *человекообразные* системы, однако эта человекообразность всё ещё недостаточно определена. Аксиологически близок триалектике принцип золотой середины и связанные с ним максимы сдержанности, выдержки, уравновешенности, меры во всём, избегания крайностей и др. Наконец, в *праксиологическом* отношении для триалектики важны научные разработки и практические подходы к *оптимизации* решений и действий. Итак, триалектика возможна и необходима, но, прежде всего, как процесс и результат *диалектики диалектики*, в котором триалектика произрастает из диалектики, инкорпорирует её, подобно тому, как геометрия Н. Лобачевского инкорпорировала геометрию Евклида.

В соответствии с вызовами времени триалектическая проблематика всё чаще встречается в философской литературе (см., например: *Раушенбах*, 1993), постепенно проникает и в экономическую науку – фундаментальную (*Задорожный*, *Задорожная*, 2015) и прикладную (*Мельник*, 2015). Осознавая мас-

---

¹¹ В качестве математической модели логической троичности Б. Раушенбах предложил обычный вектор с его тремя ортогональными составляющими. По его словам, эта модель не придумана, а обнаружена в математике, что может говорить о многом. Вектор, как известно, лежит в основе многих естественных наук. Вектором является сила, скорость, ускорение, механический момент, на векторах держится учение об электричестве и магнетизме и т.д. Но это означает, что триединость буквально пронизывает всю природу... При общих теоретических рассуждениях нередко пользуются понятием монады, например, говорят о силе, действующей на конструкцию, но когда возникает необходимость расчёта этой конструкции на прочность, то для осуществления таких расчётов приходится переходить к триаде – к трём составляющим этой силы... Подобных примеров можно было бы привести сколько угодно (*Раушенбах*, 1993. С. 65, 69).

штабность и глубину указанной проблематики, здесь ограничимся некоторыми соображениями, которые непосредственно следуют из содержания тринитарности в египетской религиозной мысли и в восточно-христианском учении, опирающемся на Никео-Цареградский Символ Веры.

Следует признать, что господствующее в отечественной философии и науке дуальное видение человека как *биообщественного* (биосоциального) *существа* восходит к римско-католическому филиокве. Дело не только в упомянутой трансформации тринитарности в бинарность, но и в *статусе* человеческой личности. Для осмысления Личности Бога восточно-христианские богословы взяли в качестве базовой категорию "ипостась", а латинские – "персона" (от этрусского *fersu* и греческого *пропосон* – маска, роль), "индивидуальность"¹² – наружность, выразимость, замечаемость и выявленность в отношениях, функциях, ролях и формах. Всё узнаваемое и выразимое, обращённое вовне и содержательно отличное от дру-

---

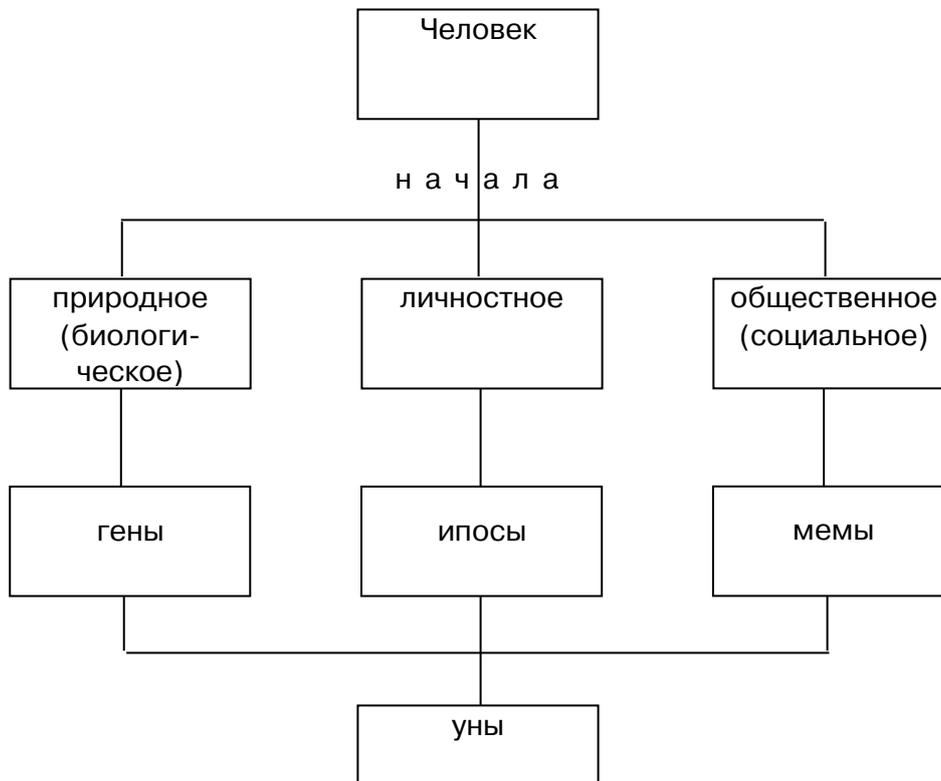
¹² Если в соответствии с филиокве есть некий описуемый признак в Отце, который повторяется и в бытии Сына, но при этом отсутствует у Духа, это означает, что вместо апофатически указующих имен вводятся катафатические *индивидуализирующие* признаки. Если, по Августину (О Троице 8, 14), Святой Дух есть отношение любви, в таком случае он сводится к функции и лишается ипостасности. Это есть редукция ипостаси к некоему социальному служению, роли, а следовательно, – к персональности, а не личности. Очевидно, такая редукция укоренена в гипертрофированном правовом мышлении античного Рима... Право не регулирует то, что происходит в сердце человека, его внутренний мир. Для права человек становится заметен только в том случае, если он выходит из своей сокрытости и входит в отношения с другими людьми, в те отношения, которые только и регулирует право... Итак, в правовом пространстве человек представлен только одной внешней стороной своего бытия – той, которой он соприкасается с публичной жизнью общего. Но извне человек узнаваем и отличим только по своей проявленности вовне, по своей включенности в отношения с другими. Отсюда – устойчивая традиция западной мысли определять персону (личность) как отношение... По утверждению католического богословия, "единство сущности Отца и Сына изводит Духа", то есть из Отца и Сына, как единого сущностного начала, изводится Дух Святой. Эта схема возможна лишь при допущении онтологического первенства Сущности перед Ипостасями в Божественном Бытии. В.Н. Лосский небезосновательно считает, что в этом принижении личного начала и заключается основной порок филиоквистской богословской спекуляции (Кураев, 2010. С. 12, 10, 8, 15). Стоит ли удивляться, что рьяным сторонником "свободной индивидуальности" является именно *homo oeconomicus*?

гих свойств принадлежит к миру *индивидуирующих признаков*, но это лишь признаки наличия ипостаси, а не сама ипостась.

Именно эта тайна, незримость, неотчуждаемость и апофатичность *личности* (Кураев, 2010. С. 8) не принята к разработке нововременной западноевропейской наукой, а потому в концепте "человек – биосоциальное существо" человек предстаёт безличностным и внеличностным. Разумеется, допустимо и далее придерживаться указанного концепта и, утверждая, что человек есть общественное животное и/или сущность человека есть ансамбль (совокупность) общественных отношений, разрабатывать соответствующие концепции и теории. Однако не менее допустимо задаться вопросом: "Сводима ли человеческая личность к общественным отношениям и обществу?" Если ответить на него отрицательно и признать *несводимость* человеческой *личности* не только к природе, обществу, общественным отношениям, но и к синергии их взаимодействия, то перед наукой открываются захватывающие горизонты *познания* постулируемой восточным христианством *тайны личности и личностного человека*. В этом случае человек предстаёт не бинарным, а *тринитарным* существом, подчиняющимся *триалектике* собственно своего, своего иного и иного своего. Если же собственно своим в человеке признать его личность, *личностное* начало, тогда своим иным становится начало *общественное*, а иным своим – *природное*.

На субстанциональном уровне каждое из указанных начал имеет вполне определённые основания, "первоэлементы": природное – *гены*, общественное – *мемы*, личностное – *ипосы* (от *ипостась* – термин, применяемый в восточном христианстве для обозначения *личностного бытия*), а их контрарное единство суть *уны* – первичная субстанция, "клеточка", исток человека-универсума (см. рисунок)¹³. В отличие от генов и мемов, которые имеют свою научную историю и продолжают активно изучаться, ипосы – всего лишь *гипотетическое* обозначение таинственной субстанции личностного начала человека, и в науке ещё не принято решение об их включении в объект и предмет исследования. На мой взгляд, последнее не сможет стать достаточно результативным, если не будет опираться на

¹³ Именованье субстанциональных оснований "первоэлементами" весьма условно, ибо, подобно атому, они могут быть делимы на ещё более элементарные "частицы".

Рисунок. Контрарное триединство Человека и его субстанциональные основания

Источник: разработано автором

триалектику генов, мемов, ипосов и адекватную ей триалектику природного, общественного и личностного начал человека¹⁴. Подобно тому, как человек превосходит свои начала – каждое в отдельности и вместе взятые взаимодействующие, уны простираются глубже и далее генов, мемов, ипосов и их взаимосвязей, обеспечивая то общее им всем, без которого невозможна их совместимость и взаимодействие. Впрочем, проблематика несводимости унов к "первоэлементам", равно как и человека, – к началам, требует специального исследования.

Используя "подсказки" восточного христианства, науке предстоит осмыслить немало других положений, в том числе следующих. Человек *контрарно триедин*, он и его начала – одно и то же. Природа в человеке личностна и общественна, обще-

¹⁴ С учётом вышеизложенного в представленной ранее концепции унов (Тарасевич, 2107. С. 529–534) лишь намечен выход за пределы дуального видения человека.

ство – природно и личностно, личность – природна и общественна. Но это означает не полную *слиянность* начал, а их некоторое *взаимопроникновение*, что укрепляет *самоценность* каждого начала, его относительную *обособленность* и *самость*, стремление и способность выходить за пределы самих себя и "родного" им человека.

Начала человека *нераздельны* и *соприсущны*, то есть существуют совместно и всегда, иное же – присуще не человеку. Их особость, специфичность не вторична, а *равнопервична* для человека, его прошлого, настоящего и будущего – с ними он рождается, живёт и умирает, оставляя природе – природное, обществу – общественное и унося с собой личностное, хотя и запечатлённое в творениях его рук и духа.

Личность и *индивидуальность* человека – нетождественны, ибо, в отличие от первой, последняя выражает *внешние* отличия людей – их роли, функции, виды, формы и т.п. Отнюдь не каждая индивидуальность является личностью, но личность всегда не лишена индивидуальности, хотя и никогда не сводится к ней. Личность нетождественна и совокупности *общественных отношений*, ибо в них не могут вступать не-личности. Скорее общество – ансамбль личностей. Разумеется, личность исторична и не статична, но, эволюционируя и изменяясь во всех фазах своего жизненного цикла, она остаётся самой собой и творчески действует сама из себя. Во многом личность (как "кто") первична по отношению к любой *сущности* (как "что"), в том числе своей собственной, и потому она вдвойне и таинственна, и пока что непостижима. Не менее таинственен триединый Человек. Как Универсум, он фрактально повторяет себя на разных уровнях: нано- (единственный и уникальный человек), микро- (семья, коллектив), мезо- (региональная общность), макро- (страна как общество), мега- (человечество), но соответствующим образом умножается и усложняется в своей единственности, множественности и соборности, являясь достойным объектом триалектики.

Итак, исследования исторической эволюции доцивилизационных унобров и древневосточных цивилизаций убеждают в её тринитарности – контрарном триединстве восточности, западности и срединности. Указанная тринитарность – лишь одно из проявлений фундаментальной тройственности универсума, которая должна быть адекватно отражена философией

и наукой. В частности, речь идёт о диалектике диалектики и триалектике как её важном процессе и результате¹⁵. В связи с этим перед постнеклассической *фундаментальной экономической наукой* открываются жизненно важные перспективы развития и актуализации потенциала триалектики, в том числе неклассических трёхсторонних противоречий, контрарного триединства, апофатической методологии, тройственной природы истины и др., наполнения человекоразмерности сверхсложной самоорганизующейся экономической системы реальным содержанием, рассмотрения человека в триединстве его природного, общественного и личностного начал, определения экономической значимости унов как контрарного триединства генов, мемов и ипосов, иными словами – обогащения двойственного видения экономики видением тройственным, сферическим.

Литература

- Гайденко П. (2009). К проблеме становления новоевропейской науки. *Вопросы философии*. № 5. С. 80–92.
- Задорожный Г.В., Задорожная О.Г. (2015). *Человекомерная экономическая наука: проблемы методологии*. Харьков: ВННОО имени В.И. Вернадского. 416 с.
- Карсавин Л.П. (1993). *Сочинения*. Москва: "Раритет". 496 с.
- Конфуций. (2017). *Лунь-Юй. Беседы и суждения*. URL: <http://filisof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000583/st000.shtml/>
- Кураев А. (2010). *Лишний догмат. Академия тринитаризма*. Москва, Эл. № 77-6567, публ. 16078.
- Лосский В.Н. (1995). К вопросу об исхождении Святого Духа. *Лосский В.Н. По образу и подобию*. Москва: Издательство Свято-Владимирского братства. 94 с.
- Мельник Л.Г. (2015). *Триалектические основы управления развитием экономических систем*. Сумы: Университетская книга. 447 с.
- Попков Ю.В. (ред.). (2010). *Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация*. Новосибирск: Нонпарель. 449 с.
- Раушенбах Б.В. (1993) *Логика троичности. Вопросы философии*. № 3. С. 63–70.

¹⁵ Универсум не только двойственен, тройственен, но и *n*-ственен. *N*-ственность универсума подсказывает возможность и необходимость *n*-лектики (Тарасевич, 2017. С. 59–93). Её отдельные элементы уже разрабатываются в математике и физике. Однако путь к её зрелости и далёк, и долог.

- Стёпин В.С. (2011). История и философия науки: Учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. Москва: Академический проект; Триста. 423 с.
- Тарасевич В.Н. (2017). Фундаментальная экономическая наука: универсальность содержания и развития. Днепр: ЧМП "Экономика". 1022 с.

Поступление в редакцию 14.02.2019

ANCIENT EASTERN CIVILIZATIONS AND TYPES OF SOCIAL EVOLUTION: THEORETICAL SUMMARY AND METHODOLOGICAL REMARKS

Viktor Tarasevych

Author affiliation: Doctor of Economics, Professor, Chair of Department of International Economics, political Economy and Governance National Metallurgical Academy of Ukraine (Dnipro). E-mail: viktarasevich@gmail.com

This article concludes the first stage of studies of the universe and social evolution, whose materials were published earlier. The author considers the trinitarianism of the first civilizations of the East, the dominant affiliation of their qualitative attributes to the Eastern, Middle and Western types of social evolution. On this basis, four subtypes of the eastern type of social evolution are distinguished: the Eastern (Ancient Egypt), the Eastern Middle (Ancient China), the Middle (Ancient India) and the Western (Ancient Mesopotamia) ones. Medianism is represented as a universal culture and the tri-unity of primary origins integrating its own identical (in the centrality), its own different (in the intermediate), and the other's different (in the focus and conciliarity).

Since the universe is not only dual, but also triple, the author justifies ontological, epistemological, axiological and praxiological prerequisites for the possibility and necessity of the threealectic as a process and the result of the dialectics. In this regard, a person is viewed as a controversial trinity of natural, social and personal principles, whose substantial foundation (man) is a tri-unity of genes, memes and iposes. The paper shows the fractality and increasing complexity of the nano-, micro-, meso-, macro- and mega-levels of Man.

Threalectic prospects for the development of fundamental economic science are indicated, including the actualization of the potential of the threalectic, nonclassical trilateral contradictions, the contrarian three-unity, apophatic methodology, the tripartite nature of truth, etc., filling the human dimension of the supercomplex self-organizing economic system with real content, and determining the economic significance of natural, social and personal constituent of the man, the unes, genes, memes and iposes.

Key words: trinitarian, evolution, type, subtype, Middle, Eastern, Western, universal of culture, centrality, intermediate, center, threalectic, person, personal, natural, social, unes, genes, memes, iposes.

JEL: B110.

References

- Confucius. (2017). Lun-Yu. Conversations and opinions. Retrieved from <http://filisof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000583/st000.shtml/> [in Russian].
- Gaidenko, P. (2009). To the problem of the formation of the new European science. *Voprosy filosofii – Questions of philosophy*, 5, 80-92 [in Russian].
- Karsavin, L.P. (1993). Compositions. Moscow: Raritet [in Russian].
- Kuraev, A. (2010). Excessive dogma. Academy of Trinitarianism. Moscow. El. No. 77-6567, pub. 16078 [in Russian].
- Lossky, V.N. (1995). On the issue of the procession of the Holy Spirit. In Lossky V.N. *In the image and likeness*. Moscow: Publishing house of the Holy Vladimir brotherhood [in Russian].
- Melnyk, L.G (2015). Threalectic bases of management of development of economic systems. Sumy: University book [in Russian].
- Popkov, Yu.V. (Ed.). (2010). Eurasian world: values, constants, self-organization. Novosibirsk: Nonparel [in Russian].
- Rauschenbach, B.V. (1993). The logic of the trinity. *Voprosy filosofii – Questions of philosophy*, 3, 63-70 [in Russian].
- Stepin, V.S. (2011). History and philosophy of science: Textbook for graduate students and applicants for the scientific degree of Candidate of Science. Moscow: Academic Project; Trista [in Russian].
- Tarasovich, V.N. (2017). Fundamental economic science: the universum of content and development. Dnepr: PME Economics [in Russian].
- Zadorozhny, G.V., Zadorozhnaya, O.G. (2015). Human-Economic Economics: Problems of Methodology. Kharkov: VNNOO named after V.I. Vernadsky [in Russian].